

Развитие значения слова в речевой деятельности младшего школьника

Е.Н. ЛЕОНОВИЧ,

доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет

Вопросы, связанные со значением слова, развитием этого значения, всегда находились в центре внимания лингвистической науки; они остаются актуальными в системе развития речи ребенка.

Один из известнейших лингвистов прошлого века Л. Блумфилд в своих последних работах философского характера писал, что «изучение языка будет тем плацдармом, где наука впервые укрепится в понимании человеческих поступков и в управлении ими» [1]¹. При этом Л. Блумфилда, прежде всего, интересовало значение слова. Из указанного явствует, какой интерес для исследователей языка могут представлять данные вопросы в историческом и социокультурном плане.

Обращаясь к истории лингвистики, в частности к теоретическому обобщению взглядов младограмматического² направления в работах Г. Пауля конца XIX столетия, легко обнаружить, что причина изменений значений слов виделась многим исследователям в неустойчивости индивидуальной психики. Последнее вызывало непрерывные колебания нормы и изменения границ узуального и окказионального значения слов, где под узуальным значением слова вслед за Г. Паулем следует понимать «...всю

совокупность представлений, составляющих для члена данной языковой общности содержание данного слова», а под окказиональным значением — «...те представления, которые говорящий связывает с этим словом в момент его произнесения и которые, как он полагает, свяжет в свою очередь и слушатель с данным словом» [6].

Изменения значений слов «осуществляются путем отклонений в индивидуальном употреблении узуального и путем постепенного превращения такого индивидуального употребления в узуальное». Возможность или, лучше сказать, необходимость изменений значений вытекает из того факта, что значение, приобретаемое словом в каждом отдельном акте употребления, необязательно, как считал Г. Пауль, должно совпадать со значением, присущим слову как таковому согласно узусу.

Правильным логическим выводом может явиться следующее утверждение: при генетическом подходе мы имеем дело со становлением и развитием значения слова. Влияние на развитие значения оказывает практика речевой деятельности.

Однако если идти дальше и смелее представлений младограмматистов, в таком подходе можно столкнуться с проблемой

¹ В квадратных скобках указан номер работы из списка «Использованная литература». — *Ред.*

² *Младограмматизм* — направление в европейском языкознании XIX — начала XX в. Его представители считали язык индивидуальной психофизиологической деятельностью, а изменения в нем объясняли менее случайными причинами. Для этого направления характерно отсутствие представления о языке как системе. Младограмматизм внес вклад в сравнительно-историческое языкознание.

непонимания людьми друг друга в границах не только разных поколений, но и любых носителей языка.

Очевидно, что данные представления вскрывают явления, присущие природе языка, но подобная их интерпретация в известной степени искажает сущность языка как социокультурно-исторического феномена. Так, в совершенно произвольной форме трактуется феномен неустойчивости индивидуальной психики, не в полной мере учитываются социальные функции языка, связанные с процессами познания, потребностями общения, проблемами понимания и др.

Напомним, что изучением разных видов изменений значений слов при историческом (или генетическом) подходе занимается семантика, которая долгое время существовала как историческая лингвистическая дисциплина, являя собой историческую семантику. С позиции семантики попытаемся объем и содержание значений слов связать с предметным планом, который они выражают.

В связи с этим будем понимать значение не только как внутреннее свойство слов и их комбинаций, но и как отношение между словом и объектом.

Несложные наблюдения показывают, что на первом этапе своего речевого развития ребенок постоянно спрашивает: «Что это?» И взрослые ему отвечают: «Это стол, это кошка, это книга...»

Предмет в своей предметной сущности, с одной стороны, является компонентом значения слова, с другой стороны, находится вне зависимости от него. Эта независимая сущность предмета в познавательной деятельности как ребенка, так и взрослого вновь и вновь участвует в образовании (развитии) значения слова. По справедливому замечанию А.Ф. Лосева, «...значение слова зависит от того смыслового света, который на него падает от обозначаемого этим словом предмета» [4].

Заметим, что в этом смысле не совсем удачным будет являться определение слова как индекса или знака чего-либо. Сущность знака выражается в двустороннем соотношении, сущность слова — в процессе обозначения, в общении с предметом.

В жизни языка мы наблюдаем так называемое развитие значения при расширении представлений человека об окружающем его мире. Оно во многом походит на процесс развития значения в сознании ребенка, отмеченный выдающимся психологом Л.С. Выготским.

«Вновьрождение значения» можно проследить при историческом подходе к изучению языка на примере жизни этимона¹, который с течением времени часто может обновлять свое содержание под влиянием вновь формирующихся представлений о предмете и его свойствах.

Обратимся к конкретным примерам. Часто употребляемое в нашем языке слово *старый* восходит к общеславянской лексике. Это слово имеет соответствия и в других индоевропейских языках:

древнеисландское *storr* — *большой, сильный, важный, мужественный*;

литовское *storas* — *толстый, объемистый*;

древнескандинавское *storr* — *большой, гордый*;

санскритское *sthira* — *крепкий*.

Слово *старый* в нашем языке образовано с помощью суффикса *-р-* от основы *ста-* (родственными словами являются *стать, староста*; возможно, *стараться*) (см.: Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1961).

Первоначальное значение слова *старый* постепенно расходится с его значением в современном русском языке:

достигший старости;

давний, существующий с давнего времени;

бывший в употреблении, уже испортившийся от времени, ветхий;

уже не действующий, негодный;

старинный;

бывший прежде чего-нибудь другого, предшествующий.

¹ *Этимон* (греч. *étymon* — истина) — восстанавливаемая исходная форма данной единицы языка (корня, слова, фразеологизма), обычно самая ранняя из известных.

Подобное явление мы наблюдаем также в истории слова *странный* (родственными словами являются *страна, сторона*), имевшего первоначально значение *со стороны, чужестранный, чужой, не такой, как я и все мы*, и многих других слов.

Сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что в развитии значения слова можно выделить следующие основные направления.

1. У слова сохраняется первоначальное значение, но следует указать на относительность такого постоянства, поскольку с изменением социокультурной среды могут меняться частота употребления слова в речи, его стилистическая окраска, особенности употребления в литературной и диалектной речи и др.

2. Происходит изменение значения слова, связанное с новообразованиями:

- у слова развивается новое значение с потерей первоначального значения;

- у слова развиваются новые значения при появлении у него многозначности с потерей или сохранением старого значения;

- образуются омонимы при утрате связи между лексическими значениями. И др.

Таким образом, факторами в становлении значения слова являются зависимость значения от мира познаваемой человеком действительности и роль языка в когнитивных процессах (язык существует, и с его помощью мы познаем мир). Объектом семантики при этом является эволюция значений в языке, которой управляют общие законы.

Значение слова характеризуется относительной устойчивостью в рамках одного культурного социума. Однако общественные, культурно-исторические условия, в которых живет человек, постоянно меняются, что отражается в языке и не может не сказаться на развитии значения. История значения слова поэтому есть часть истории духовной жизни народа, его культуры, его самосознания. Рассмотрение значения обращает нас к важным философско-методологическим проблемам.

В традиционном представлении самосознание понимается как часть сознания. Однако к сознанию можно подходить как к версии самосознания, где сознание при экстраверсии обращено к внешнему миру, при интроверсии — внутрь себя; «...когда предмету даются пространственно-временные параметры, заданные субъектом, сознание оказывается версией самосознания: самосознание есть нечто целое, а сознание — его «часть», аспект, момент» [8].

В структуре субъективной реальности самосознание оказывается шире сознания. Сознание как версия самосознания, лишаясь своего предмета, может субъективно закончить свое существование.

При самосознании субъективное значение слова, в отличие от иного, выступает как «чувственно реальное» содержание.

Вспомним, что младोगрамматики связывали изменения в значении слов с их окказиональными значениями или особенностями употребления слов в индивидуальной практике носителей языка. Здравый смысл подсказывает, что любое звучание (слово) человек может соотносить со своим смыслом (значением), рискуя, однако, что его никто не поймет, поскольку отдельный опыт не переплетен с общественной практикой.

Наблюдения показывают, что учителям в практике работы нередко приходится сталкиваться с противоречием общественного и индивидуального. Например, ученик II класса объясняет, что *княгиня* — это жена князя, *монахиня* — жена монаха, *царица* — жена царя, *кузница* — жена кузнеца и т.п.

Человек «волен вкладывать в произносимые им слова совершенно особое значение» [4]. Это связано со спецификой сформированных в его сознании представлений. К этому мы можем возвращаться не раз, поднимая проблемы понимания между людьми внутри одной социокультурной среды и различий в сфере культур и языков.

Продолжая примеры, можно отметить, что отличаться своеобразием будут представления у сельского и городского жителей как реакция на слова:

время — ...

движение — ...

Эти представления будут иметь свою окраску в зависимости от места проживания человека, рода его занятий и др.

Указанная субъективизация представлений и формы их выражения является одним из признаков, но не сущностью природы языка.

Следует подчеркнуть, что «тайна слова заключается именно в общении с предметом и в общении с другими людьми». «Живое слово таит в себе интимное отношение к предмету и существенное знание его сокровенных глубин» [4]. В слове, таким образом, воспроизводится единство предметной сущности и восприятия этой сущности человеком в их противоречии.

Рассматривая вопрос шире, следует отметить, что в языковые формы человек укладывает свой личный опыт, однако каждый раз этот опыт соотносится с общественным опытом, синтезированным и интегрированным в языке.

Формирование ребенка при усвоении им языка всегда есть социализация, под которой понимается формирование внутреннего мира человека под воздействием норм и ценностей, характерных для определенного социального коллектива [2].

В педагогической практике работы младших школьников над значением слова данное положение должно служить одним из оснований разработки модели, где обучение строится не только на присвоении ребенком «общих знаний» о предмете (действительности), но и на субъективном выражении этих знаний в индивидуальном опыте.

Слово в своей текучести открывает нам необыкновенную свободу для мысли в речемыслительной деятельности, но оно также строго накладывает и свои ограничения в семантике, лексической сочетаемости слов, грамматических употреблениях, порядке слов, что не позволяет мысли быть аморфной. Подобными свойствами слово участвует в создании более сложных образований, несущих смысл. «Мы заключены в тюремную камеру языка... Наша потребность в общении лимитируется языком, и вместе с тем без языка мы потерялись бы в тумане. Жить в реальном мире — значит

принимать ограничения, признавать факт, что коммуникация формируется своими ограничениями», — считал А. Мартине [3].

По своей природе слово может удовлетворять любые потребности речевого общения, обеспечивая процесс коммуникации. Слово при выявлении в нем новых и первоначальных значений выступает регулятором отношений, учителем общности людей, связанных одной культурной традицией. Слово в таком смысле может представляться как магический кристалл, «вещь в себе», энергетический сгусток, вместивший в себя определенное пространство и время. Слово, пронизанное исторической памятью, является носителем вечных человеческих истин.

Слово вбирает в себя всю глубину и широту человеческого бытия. С него и начинается само Бытие. «Ведь слово не только называет какой-либо предмет, признак, действие, явление. Как в атоме при его расщеплении освобождается невиданной силы энергия, так и слово при его изучении отдает информацию, накопленную нашими предками, пращурами, в течение многих веков, нередко даже тысячелетий». «Слова, созданные далекими предками, раскрывают нам удивительные стороны психологии народа, его умение подмечать наиболее характерное в предметах, в явлениях действительности» [5].

Даже малейшая утрата языкового богатства, выраженного в значениях слов, приводит к невосполнимым потерям в области мышления и чувств, в сфере культуры.

Формирование значения слов следует рассматривать как процесс формирования в общественном сознании и в сознании ребенка идеальных образов предметов, их качеств, свойств и т.д. и в целом языковой картины, отражающей картины реальности. Только в свете такого подхода мы можем в дальнейшем определить основные функции языка, понять его сущность, что необходимо для построения системы языкового образования младших школьников.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Блумфилд Л. Ряд постулатов для науки о языке // Звегинцев В.А. История языкознания 19 и 20 вв. в очерках и извлечениях. 3-е изд. Т. 2. М.: Просвещение, 1965.

2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1983.
3. *Звегинцева О.В.* К проблеме творческого аспекта языка // Вопросы философии. 1987. № 10.
4. *Лосев А.Ф.* Бытие — имя — космос. М., 1993.
5. *Матвеева Н.П.* Свидетели истории народа: Наследие пращуров. М.: Просвещение, 1993.
6. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1987.
8. *Черносвитов Е.В., Курашов А.С.* Сознание в структуре самосознания // Вопросы философии. 1987. № 10.

Теория и практика обучения каллиграфии

Ю.А. СЕРЕБРЕННИКОВА,

кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Письмо — половина знания.
Пророк Мухаммед

Во всех первобытных культурах понятия *писать* и *изображать* были идентичными. Информацию передавали не буквы и слова, а картинки. В дальнейшем рисунки схематизировались, становились не изображением предметов, а упрощенными знаками, обозначающими эти предметы. У китайцев такими знаками стали иероглифы, представляющие собой совокупность письма и живописи, слова и рисунка, понятия и его обозначения. А так как в Древнем Китае написанное ценилось куда больше произнесенного, то искусство написания слов трудолюбивые и терпеливые китайцы довели до совершенства и возвели в культ. Так в мире появилось одно из самых изящных искусств — *каллиграфия*.

Каллиграфия — это искусство красивого и четкого письма. В древности этой наукой обладали только монахи — именно им доставалась честь переписывать святые тексты. Монахи месяцами, годами сидели в кельях и выводили каждую букву в рукописных книгах. Эти книги стоили целое состояние — ведь считалось, что с каждой нарисованной буквой автор отдает книге часть своей жизненной силы.

В Японии и Китае каллиграфия считалась одним из видов изящных искусств, которым, наравне с поэзией и живописью,

должен был владеть каждый культурный житель страны. Красиво написанный иероглиф или строка из стихотворения свидетельствовали о красоте мысли и духа. По качеству почерка угадывался не только уровень образования пишущего, но и его характер и нравственные качества. В арабских странах степень владения каллиграфией также была показателем образованности и духовного совершенства человека. И если потерять голову от портрета незнакомки — это европейская романтика, то влюбиться по почерку — восточная реальность.

Любой образец средневековой каллиграфии — это произведение художника, математика и тонкого стилиста в одном лице. Необходимо заметить, что каллиграфия — вид искусства, в котором произведение создается за один раз. Если оно получилось несовершенным — его выбрасывают, поправки невозможны. Достичь совершенства очень непросто. Мастера оттачивали годами свою руку, глазомер и чувство прекрасного, и это делало их мудрецами.

Каллиграфия может стать своеобразным лекарством для тела. В Китае был проведен ряд исследований психологических изменений человека в процессе письма. Результаты показали, что расслабленное состояние и эмоциональное спокойствие во время работы благоприятно сказывается на общем состоянии: дыхание замедляется, число сердечных сокращений уменьшается,